

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-73-85

ЧЕЛОВЕК И РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ (К ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

Маслов Д. В.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена вопросу репрезентативности источников личного происхождения в изучении роли человеческого фактора в истории горбачевских реформ 1985–1991 гг. Актуальность темы связана с тем, что без понимания роли человеческого фактора невозможно всестороннее осмысление опыта преобразований в современной отечественной истории. Научная новизна темы проявляется в том, что в данном аспекте исторической наукой она практически не изучалась. Статья написана на основе комплекса как известных, так и ранее не использовавшихся историками источников – преимущественно на данных проведенных автором статьи и другими исследователями социологических опросов, а также воспоминаний, дневников, писем граждан, материалов устной истории. Методология исследования основана на методах анкетирования, контент-анализа, акторном подходе и других методах и подходах антропологического исследования. В результате выявлено, что источники личного происхождения представляют значительную познавательную ценность для исследователя современной отечественной истории.

Ключевые слова. Человек, «перестройка», реформы, методы исследования, опрос, респондент

PEOPLE AND REFORMS IN MODERN RUSSIAN HISTORY: THE REPRESENTATIVENESS OF SOURCES OF PERSONAL ORIGIN

D. Maslov

*Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article covers the representativeness of sources of personal origin in studying the role of the human factor in the history of Gorbachev's reforms (1985–1991). The relevance of the topic lies in the fact that without understanding the role played by the human factor it is impossible to comprehend the reformation experience in modern Russian history in full. The fact that the topic has not been studied by historical science from this aspect determines its scientific novelty. The article is written drawing on a complex of both known sources and those previously not used by historians – mainly the data of sociological surveys conducted by the author and other researchers, as well as memoirs, diaries, letters of citizens and oral history

materials. The research methods used in the study included questionnaire, content analysis, actor approach, as well as other methods and approaches of anthropological research. The study revealed that sources of personal origin are of significant cognitive value for the researchers of modern Russian history.

Keywords: person, perestroika, reforms, research methods, survey, respondents.

Вопрос о воздействии реформ в новейшей отечественной истории на рядового индивида изучен в научной литературе явно недостаточно. Тому есть свои причины.

«Перестройка» началась, как известно, «сверху». Поэтому не случайно, что интерес исследователей долгое время концентрировался на мероприятиях, проводимых партийно-государственной властью. Реформы рассматриваются в основном лишь как мероприятия власти, без анализа той «социальной почвы», которой они адресованы. Поэтому на данном этапе исследования проблемы требуется осуществить поворот к изучению человеческого фактора в процессе преобразований, выявить пути, способы и масштабы перехода от советского человека к россиянину и тем самым сформировать новый познавательный дискурс в русле антропологической истории. В этом смысле мы можем рассчитывать и на углубление знаний по истории реформ в позднем СССР и современной России в целом.

Соответственно, решение поставленной научной задачи на материале отечественных преобразований 1980–90-х гг. позволит приблизиться и к пониманию закономерностей осуществления крупных социальных реформ. В рамках одной статьи решение столь масштабных задач невозможно. Ключевое значение на данном этапе исследования имеет селекция источников. Поэтому целью этого материала автор

ставит анализ применительно к теме статьи познавательных возможностей, которые содержат источники личного происхождения. Хронологические рамки исследования ограничены периодом горбачевской «перестройки» (1985–1991 гг.).

Историография темы представлена в основном исследованиями реформ как деятельности преимущественно политических и иных элит, отдельных лидеров, а также массовых общественных движений [10; 16; 20]. Близким к тематике данной статьи направлением является активно осваиваемая в последние годы социальная история. Но в ее рамках более изучен доперестроечный период истории СССР [1; 9; 15]. К концу 1990-х гг. к исследователям постепенно приходит понимание того, что без осмысления степени и форм включения индивида в преобразовательные процессы полное и объективное представление о социальных реформах невозможно. Проявлением данной тенденции могут служить работы ряда отечественных и зарубежных исследователей об отношении к реформам «неформалов», политклубов, экологических, религиозных и иных структур и движений [17; 20]. Эти исследования несколько расширили научные представления о субъектах реформаторских процессов. В рамках изучения истории повседневности также появился ряд полезных работ [2; 3]. Новаторская работа о характере социальности советского человека на-

писана зарубежным исследователем, отошедшим от ряда догм зарубежного обществознания [21]. Исследование темы осуществляется также и в рамках социологической [6; 14] и экономической [13] наук, что дает богатый эмпирический материал.

Соответственно указанным историографическим особенностям сложилась источниковая основа исследований по истории «перестройки». Не вдаваясь в подробный анализ такой основы, назовем лишь некоторые сборники документов, дающие определенное представление о круге источников, с которыми приходится иметь дело большинству исследователей [4; 7; 11]. Однако для изучения заявленной темы официальных документов, а также многочисленных мемуаров знаковых общественных фигур явно недостаточно.

В этой связи особое внимание историков все чаще обращается к документам личного происхождения, отражающих жизнь рядовых граждан. Это естественно, учитывая незначительную временную разницу, отделяющую нас от изучаемых событий. К таким материалам можно отнести: дневники, письма, воспоминания граждан, записанные ими или иными лицами в 1990–2000-е гг. (в настоящее время часть таких воспоминаний опубликована, часть размещена в Интернете¹, часть собрана автором статьи²); данные социологических опросов на интересующие нас темы (размещены

на сайтах социологических служб³, частично опубликованы); сведения о настроениях граждан, поступавших по разным каналам к руководству страны (документы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ); материалы СМИ); материалы, размещаемые в соцсетях⁴.

Вместе с тем остаются вопросы, связанные с репрезентативностью данных материалов. Несмотря на незначительную временную дистанцию, отделяющую нас от той эпохи, на оценке событий конца 1980–1990-х гг. мемуаристами сказываются не только неизбежные изъяны памяти, но и последующее развитие общества. На это обращал внимание, в частности, Ю. В. Аксютин, проводивший подобное исследование в отношении хрущевского периода [1, с. 19]. Ряд современных исследователей скептически относятся к такому методу получения исторической информации [18, с. 79].

В настоящей статье автор основывается на данных проведенного в 2018–2019 гг. с участием студентов факультета истории, политологии и права Московского государственного

³ См., напр.: Архив ВЦИОМ: URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/?id=275&search=1&prevSql=&text=работа&logic=AND&in_q=on&day_f1=19&month_f1=12&year_f1=1992&ds=3&day_t3=19&month_t3=12&year_t3=2016&day_f2=&month_f2=&year_f2=&day_t2=29&month_t2=5&year_t2=2017.

⁴ См., напр.: URL: https://zen.yandex.ru/media/mamin_sibiryak/kakie-byli-zarplaty-v-sssr-v-pereschete-na-segodniashnii-den-5bf2ec7d160adb00a9a86a36?from=feed; <https://russian.rt.com/inotv/2016-12-06/Rheinische-Post-V-svoej-vidumannoj>; <https://russian.rt.com/russia/foto/473352-kumiry-xx-vek-spisok-rossiya-gagarin-vysotskiy-zhukov>; <https://zen.yandex.ru/media/lenta.ru/pochemu-sovetskie-liudi-nenavidiat-vseh-vokrug--5be57e7fa5071500abc15a04>.

¹ См., напр.: Маринина А. Были 90-х.: в 2-х кн. М., 2017. URL: http://nk.ast.ru/my90s/story/?PAGEN_1=8; Сайт воспоминаний Фонда ИНДЕМ (URL: <http://indem.ru/Re90/Vo/PriPriVos.htm>) и др.

² Анкеты № 1-93 / Личный архив автора.

областного университета анкетирования, в ходе которого было опрошено около ста респондентов разного возраста (но не моложе тех, кто встретил «перестройку» в сознательном возрасте), пола, образования, рода занятий (тогда и сейчас), региона проживания (преобладают респонденты, проживавшие/проживающие в столичном регионе). Достижение указанной численности анкет показывает, что на определенном количественном уровне содержание ответов стабилизируется и пропорции с увеличением числа опрошенных практически не меняются. Респондентам предлагались варианты ответов, но предоставлялась и возможность дать собственные ответы. Показательно, что более половины опрошенных такой возможностью воспользовались, а ответы некоторых из них можно назвать своеобразными мини-воспоминаниями. Также использовались и записи воспоминаний, собранных студентами МГОУ в свободной форме (без заранее составленного списка вопросов).

Репрезентативность источников зависит не только от их содержания, но и от того, какие вопросы источнику адресует исследователь, с ним работающий. В данной статье дается анализ ответов на некоторые вопросы первой части анкеты, связанные с отношением советских граждан к необходимости реформ в середине 1980-х гг. и их общей оценке. В отличие от ранее проводившихся по близким темам опросов, для автора статьи особый интерес представляли не только результаты, но и методы их оценки.

Первый вопрос анкеты «*Как Вы оценивали состояние страны в середине 1980-х гг.?*», как показывают дис-

куссии, в частности, в соцсетях, вызывает в последнее время живой интерес не только у исследователей. Респондентам предлагались ответы «остро кризисное»; «терпимое»; «вполне нормальное», «иной вариант». Примечательно, что некоторые респонденты не ограничились предложенным выбором и предпочли усилить положительную оценку доперестроечного времени.

Результаты опроса распределились так, что лишь 7% респондентов признали состояние страны накануне горбачевских реформ хорошим, стабильно хорошим и даже очень хорошим. Мотивация их ответов здесь не очень выразительная, приведенные объяснения весьма скупы и, как правило, воспроизводят варианты ответа: «До 1988 г. условия для жизни были хорошие», «в середине 1980-х гг. всё было хорошо, время было положительное»¹. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с теми, для кого реформы Горбачева сохранились в памяти с большим знаком «минус». Развернутое подтверждение этой гипотезе можно найти в соцсетях, где размещено немало откликов с указанием на позитивные стороны жизни в брежневском СССР.

Немногим менее половины опрошенных оценили предперестроечное состояние советского общества как нормальное (вполне нормальное) – (44%). Это самый популярный ответ на данный вопрос. Большинство опрошенных усматривали «нормальность» в приемлемом материальном положении, стабильности и уверенности в завтрашнем дне. При этом некоторые

¹ Здесь и далее орфография и стилистика ответов респондентов сохранены.

оговаривают, что исходят в ответе из материального положения именно своей семьи, понимая, судя по всему, что неравенство было и в те годы. Типичным можно считать такое объяснение данного выбора: состояние страны к 1985 г. было «вполне нормальное, стабильное, понятное, известное, прогнозируемое. Можно было спокойно выбирать будущую профессию, зная, что потребуется делать, какая будет зарплата».

Почти 30% опрошенных признали доперестроечное состояние СССР «терпимым». Пояснения такому выбору давались следующие: состояние терпимое, «но только для Москвы и ее области. По просьбе своих знакомых в 1981–84 гг. из Москвы в Загорск везла масло, колбасу, сыр. В Москве только очереди были на тот момент. По рассказам родственников, которые приезжали из Магнитогорска в 1989 г., там было все хуже! Причем уже давно!». «Не было напряженности, но ощущался дефицит, люди скупали продукты коробками, если они появлялись в магазине». «Дефицит одежды, продуктов, мыла, ущемленное состояние». Нетрудно заметить, что такие оценки находятся на грани критических (о чем ниже). Однако очевидно, что для современного россиянина ситуация середины 1980-х гг. рассматривается как более терпимая по отношению к сегодняшним временам. В целом же количество тех, кто считает ситуацию в советском обществе до прихода Горбачева хорошей, нормальной или по крайней мере терпимой, составляет почти 80%.

Лишь 16% респондентов оценивают положение в предперестроечном СССР как кризисное или остро кри-

зисное. Мотивация такого ответа в основном сводится к факторам материального порядка: «страна была среднего уровня кризиса, он ощущался, в первую очередь в недостатке, а затем в исчезновении вещей, продуктов питания, хотя они в стране точно были, т. е. кризис не самостоятельно образовался, а был искусственно вызван». «Ну, это был развал, это было очень тяжело и люди были рваные, голодные и нищие, и все мы были совершенно одинаковые». Примечательно, что в первом высказывании его автор пытается обнаружить истоки кризиса в действии неких сил, искусственно провоцирующих кризис. Это вполне коррелирует с особенностью сознания современного россиянина, нередко усматривающего причины социального негатива в действии неких внешних факторов.

Казалось бы, что при таком приемлемом отношении к советскому прошлому число сторонников того, что горбачевские реформы были нужны, будет невелико. Однако ответ на следующий вопрос «Считали ли Вы необходимыми реформы в советском обществе: да, нет, иное?» явил более сложную картину.

Более половины опрошенных (51%) признали необходимость реформ (некоторые даже «однозначно»). Мотивация такого ответа приводилась, в частности, такая: «люди уставали от очередей за продуктами питания и дефицитными товарами, от гонки вооружений, от угрозы ядерной войны, от преследований за религиозные убеждения»; «о необходимости реформ поначалу не задумывался... С появлением М. С. Горбачева мнение несколько изменилось. Он резко отличался от старого руководства СССР, пленил

своими речами, говорил не по бумажке. Он заинтересовал перестройкой и тогда мы поняли, что реформы нужны» (получается, что до прихода Горбачева автор мнения не подозревал о необходимости реформ, его и так все устраивало); «необходимо было разрешить возможность путешествовать за границу, решить проблему дефицита товаров»; «конечно мы считали, опять же буду говорить только о своём слое, об интеллигенции. Хотели преобразование советского строя безусловно, опять же свободу слова, и как мы считали альтернативные политические партии, которые в частности бы отражали и нашу интеллигентскую позицию. Главная проблема тех лет, дефицит всего, он был колоссальным...»; «курс партии не соответствовал духу времени, была слишком громоздкая, медленно работающая государственная машина»; «разрешить частный бизнес, обеспечить более доступный способ приобретения жилья».

Как видно из этих ответов, необходимость реформ объяснялась уже не только факторами материального неблагополучия (например, дефицита); приводятся обоснования и политического характера, упоминается и о бизнесе. Респондент, указавший на позицию интеллигенции, осознает, что понимание реформ в разных слоях общества являлось неодинаковым. Нетрудно обнаружить в таких суждениях определенный отрыв от содержания критических замечаний, данных теми же авторами по предыдущему вопросу. На наш взгляд, это объясняется феноменом общественного сознания, связанного с тем, что при ответе на второй вопрос некоторые граждане больше опирались не на свой личный

опыт, а на мнение, устоявшееся в обществе и активно формировавшееся СМИ в период «перестройки».

Часть респондентов, не сумевшая назвать причины необходимости реформ, честно признались, что не знали, какие именно преобразования были нужны стране. Например: «не понимала, какими они должны быть, но соглашалась, что нужны». Это ставит под определенное сомнение заявленную ими позицию о необходимости реформ.

Многие из респондентов данной категории смогли написать лишь о том, какими намечавшиеся тогда реформы не должны были быть и указывали, каких реформ они опасались. Преобразования, с позиции таких респондентов, должны были соответствовать следующим требованиям: «мягкие, а не радикальные»; проводиться «не таким путём», как у Горбачева; «не уничтожение государства»; «без тотального разрушения системы, без нарушения устоев жизни, без отрицания и презрения всего старого»; «не так резко и кардинально».

Некоторые из опрошенных также указали, что ожидали, что «станет лучше». Но были среди признававших необходимость реформ и пессимисты, заявившие, что «никто не верил в результат»; «не было понимания, каких реформ» ждет общество. И лишь один респондент мотивировал необходимость реформ ссылкой на неприемлемость моральных оснований прежней жизни: «по-моему, жизнь была просто ужасная – лицемерие и одно враньё».

Таким образом, приведенный расклад позиций свидетельствует о том, что при всем понимании необходимости преобразований считающие так

граждане были далеки от единства в вопросе о причинах такой необходимости. Это явление можно объяснить тем, что вопрос о том, в каких случаях вообще требуются преобразования и какие именно, – один из самых непростых в общественной мысли. Не мог не повлиять на сознание современных россиян и тот факт, что люди просто запутались в реформах, проводившихся в СССР/России за последние три с лишним десятилетия.

Далее, лишь 6% опрошенных сошлись в том, что стране были нужны некоторые, частичные реформы. Мотивировка здесь весьма невнятная: «в некоторых сферах», «в некоторых аспектах реформы были нужны».

Весьма значительной (32%) является доля считающих, что реформы вообще не были нужны. Мотивировки этих мнений, как правило, отсутствуют. Полагаем, что данный вариант ответа выбрали прежде всего те, кто «не вписался» в последовавшие (в т. ч. и после Горбачева) преобразования. Данная цифра представляется важной как раз тем, что она дает приблизительное представление о тех, кто не доволен существующей сегодня в России общественной системой.

Наконец, около 6% опрошенных предпочли ответы «не задумывался, не знаю, меня не спрашивали». Мнение, под которым, полагаем, могли бы подписаться гораздо больше респондентов: «слово реформа было чем-то новым, непривычным для советского человека, и вряд ли кто-то понимал, что это такое и к чему это могло привести». В также прозвучавшей позиции «нас никто не спрашивал» легко просматривается характерный для советского времени социальный патернализм.

Применительно к теме статьи представляется полезным также рассмотреть ответы еще на один вопрос – «как Вы относились к политике горбачевской перестройки на всем ее протяжении 1985–1991 гг.». Предлагались варианты ответов: «неизменно поддерживали; сначала поддерживали, а затем критиковали; отвергали с самого начала (иное)». Однако в этом случае многие респонденты не ограничились предложенными вариантами и активно включились в осмысление данного сюжета.

Как и ожидалось, лишь 6% опрошенных заявили о своей поддержке горбачевских реформ. Что же позитивного в «перестройке» обнаружила эта часть опрошенных? Лишь один человек заявил о своей поддержке данной политики «от начала и до конца». Другой респондент отметил, что «Горбачев привнес в политику что-то новое и как бы запахло переменами, от которых все ожидали улучшение международной и внутренней политики, поэтому скорее поддерживал». В последнем суждении нетрудно заметить нотки неуверенности в собственном мнении.

Гораздо словоохотливее оказались те, кто признался в том, что реформы Горбачева «сначала поддерживал, потом отвергал». Таковых оказалось 60% опрошенных. Практически все из тех, кто все же предпочел не распространяться о мотивах такой позиции, ограничились фразой «сначала поддерживали, а затем критиковали». Ниже приводятся наиболее интересные ответы тех респондентов этой группы, кто высказался развернуто.

«Сначала поддерживала, но потом поняла, что в результате так называемой приватизации «нагрели» руки

лишь приближенные к руководству, а у простых людей ничего не менялось».

«Сначала мне показалось, что в этом было что-то новое, появилась надежда. Потом пришло очень сильное разочарование в Горбачеве, потому что говорил он красиво, а жизнь становилась тяжелее».

«Неоднозначно. Можно было поддерживать то, что СССР становился более открытой страной для взаимодействия с иностранными державами. То, что предпринимались попытки улучшить советско-американские отношения, то, что с появлением гласности люди стали более открыто выражать свои мнения, не боясь за это какого-либо преследования со стороны власти. Отвергать же можно было то, к чему в итоге привела горбачевская перестройка».

«Сначала я политику горбачевской перестройки поддерживал. Но «гласность» вскоре стала играть отрицательную роль, особенно под конец перестройки и особенно, когда появился Б. Н. Ельцин...».

«Сначала поддерживали, но с забастовок и невыплат зарплат перестали поддерживать. Но затем к Ельцину стало еще более негативное отношение».

«Надеялись на лучшее, а получилось как всегда».

«Отношение за шесть лет претерпело кардинальные перемены, в начале относились безразлично: «новый начальник новые перемены, ну и бог с ним, мы как жили, так и живём»».

«В начале к перестройке относились как к идее начальства, затем с интересом, начиная с лета 1987 года люди стали скептически относиться. Затем всё хуже и хуже, а уже к девяносто первому году его никто не поддерживал».

«В самом начале, когда царила всеобщая эйфория, когда вокруг много и красиво говорили, когда все радовались и поддерживали реформы, я тоже был на их стороне, но когда поняли, что идет уничтожение государства во всех его сферах, когда с годами пришло понимание того, что случилось, то пришло и тяжкое разочарование...».

«Ну, с одной стороны это хорошо, что Берлинская стена рухнула,... у нас открылись границы, с другой стороны это стало плохо, на нас пошли потоки с Афгана наркотиков и подобное и вообще беспредела полного вот и... ну с одной стороны это было конечно хорошо, с другой стороны это полностью... это развал страны, который я очень тяжело до сих пор переживаю».

Очевидно, что авторов приведенных мнений объединяет ощущение того, что их обманули, и это трудно простить. Лишь немногие отмечают позитивные последствия реформ (потепление в международных отношениях, гласность – последнее и критикуется).

Четверть опрошенных призналась в том, что отвергали горбачевские реформы с самого начала. Полагаем, что реально этот процент был все же меньше, т. к. часть современных критиков «перестройки» не всегда может вспомнить свои действительные представления того времени. Тем не менее тех, кто реформы (как они проводились) отвергал в принципе или с оговорками насчитывается примерно 85%, что следует признать красноречивым показателем. И лишь 3% опрошенных никак не смогли определить свою позицию в указанном вопросе.

В какой же мере полученные путем опроса спустя примерно тридцать лет после рассматриваемых событий

результаты соответствуют реальным настроениям людей перестроечного времени? Прежде всего следует учесть, что и в годы перестройки немалая часть граждан не могла четко определиться со своим отношением к происходящим тогда событиям. Поэтому не следует все пробелы и противоречия в сегодняшних ответах россиян списывать только на неизбежные пробелы в их памяти или очевидные противоречия в их логике. Очевидна и путаница в хронологии, когда более поздние события (приватизация) переносятся на период «перестройки».

Сопоставление данных представленного опроса с другими источниками показывает, что материалы опроса имеют определенную научную ценность. Прежде всего, они близки к результатам опросов по сходной тематике, проводившихся ранее другими исследователями [5]. Применение метода сравнения с данными более ранних опросов позволяет установить уровень стабильности оценок граждан и задуматься о факторах, приведших к изменениям таких оценок.

Полезный опыт сбора воспоминаний в форме сочинений накоплен Ю. Н. Ковалевской в рамках Дальневосточного региона [12]. Эти материалы собраны к 30-летию начала «перестройки» и по своему содержанию близки к результатам представленного в данной статье опроса. От опроса сочинения отличаются большей развернутостью и склонностью авторов к размышлениям.

Для сравнения взяты также источники личного происхождения, но созданные непосредственно в период горбачевских реформ. К таковым, в частности, относятся дневники. По по-

нятым причинам лишь чрезвычайно малая их часть опубликована. В настоящее время работа по сбору и оцифровке дневников ведется создателями сайта «*прожито.ру*»¹ (участвует в работе и автор статьи). Приведенные здесь тексты, относящиеся к периоду «перестройки» и созданные представителями различных социальных слоев, показывают, что настрой на реформы в середине 1980-х гг. был практически во всех strataх советского общества. Общим с результатами опроса является и то, что авторы большинства дневников весьма приблизительно и в самом общем виде представляли себе контуры намечавшихся преобразований. Нередки ситуации, когда авторы дневников вообще игнорируют социальный фон своей жизни. По дневникам, как и по результатам опроса, прослеживается нарастающее недовольство ходом реформ, сменяющееся разочарованием.

Показательными в этом смысле можно считать записи в дневнике известного историка В. В. Шелохаева. Запись конца 1985 г. о разговорах в среде знакомых коллег автора дневника: «наша интеллигенция в восторге от М. С. Горбачева: он молод, энергичен, говорлив, напоминает А. Ф. Керенского в... 1917 г.... Я к таким «говорливым» людям отношусь скептически...» [19, с. 79]. Ровно через год: «Горбачевская перестройка набирает темпы, которые, правда, более заметны на словах, чем на деле: экономика продолжает расплзаться, магазинные полки пусты, налицо симптомы национализма и сепаратизма» [19, с. 85]. В записи за январь 1989 г. историк приводит слова из адресованного ему письма живущей в провинции матери: «пока все одни

¹ См.: <http://prozhitto.org>.

толкования, а дела как не было, так и нет» [19, с. 101] и т.д.

Еще одним источником, с которым можно сопоставить данные опросов, являются письма граждан периода «перестройки». «Все мы голосуем «за», «за», «за», перестройку. Но вот чего-то не хватает. Внутри желание горит, а... пламени нет», – пишет автор одного из писем, шофер из Житомира [8, с. 25]. «Если потребуется, обращайтесь непосредственно к нам, рядовым коммунистам, к народу. Будьте уверены, что мы вас поддержим!» – окрыляет генсека инженер из Новочебоксарска Л. Фелелов¹. «Все, что намечаете... правильно. И народ хочет перестройки, и необходимость её понятна, и ясно, что без участия масс ничего не получится», – вторит ему М. П. Смирнов из Новгородской области².

Результаты опроса имеют значение и в плане представления о некоторых особенностях сознания современного россиянина. В этом смысле они являются отражением не только истории, но и дня сегодняшнего. Современный россиянин испытывает острую неуверенность в завтрашнем дне, его угне-

тает отсутствие гарантий занятости и стабильной зарплаты. Вообще, социальная составляющая в предпочтениях современных россиян явно доминирует и во многом обуславливает заметную в последние годы ностальгию по временам СССР. При этом современному россиянину не чужды и ценности условно имперского содержания: его тяготит развал советской державы и агрессивность Запада по отношению к современной России. Безусловно, учет этих особенностей массового сознания сегодняшних россиян следует принимать во внимание при анализе результатов опросов, посвященных советскому прошлому.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что источники личного происхождения представляют значительную познавательную ценность для историка современности. Однако их использование предполагает применение всего комплекса методов исторического источниковедения, примеры чего были приведены в настоящей статье.

Статья поступила в редакцию 22.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 622 с.
2. Беловинский Л. В. Повседневная жизнь человека советской эпохи. Предметный мир и социальное пространство. М.: Академический проект; Трикста, 2017. 704 с.
3. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 368 с.
4. Горбачев – Ельцин. 1500 дней политического противостояния / отв. ред. М. К. Горшкова, В. В. Журавлева, Л. Н. Доброхотова. М.: Терра, 1992. 568 с.
5. Горшков М. К., Петухов В. В. Перестройка глазами россиян. 20 лет спустя // Прорыв к свободе: о перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 374–412.
6. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очер-

¹ См., напр.: РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д.214. Л. 29.

² Там же. Л. 31.

- ки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.
7. Ельцин – Хасбулатов: единство, компромисс, борьба / Сост. Л. Н. Доброхотов, В. Н. Колодежный, А. И. Кожокина, Г. В. Лобанцова. М.: Терра, 1994. 616 с.
 8. Зависит от нас. Перестройка в зеркале прессы. М.: Книжная палата, 1988. 360 с.
 9. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
 10. История России: в 4-х т. Т. 4. Образование, развитие и распад Советского Союза. Российская Федерация в 1990-е годы / под ред. Н. А. Омельченко. М.: ИНФРА-М, 2018. 620 с.
 11. История современной России: Документы и материалы (1985–1999): в 2-х ч. / Под общ. ред. С. М. Шахрая и А. А. Клишаса. М.: МГУ, 2011. 624 с.
 12. Ковалевская Ю. Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: 30 лет спустя // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 66–79.
 13. Кричевский Н. А. Наследие противоречий. Истоки русского экономического характера. М.: Дашков и Ко, 2016. 304 с.
 14. Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М.: Норма, 2000. 543 с.
 15. Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с.
 16. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4-х т. Т. 4: 1917–1991 гг. / под ред. В. В. Журавлева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 671 с.
 17. Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 472 с.
 18. Чураков Д. О. СССР при Брежневе. Правда великой эпохи. М.: Вече, 2014. 320 с.
 19. Шелобаев В. В. Дневник историка. М.: РОССПЭН, 2013. 510 с.
 20. Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2006. 384 с.
 21. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

REFERENCES

1. Aksyutin Yu. *Khrushchevskaya «otpepel'» i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev's "Thaw" and the public mood in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 622 p.
2. Belovinskii L. *Povsednevnyaya zhizn' cheloveka sovetskoi epokhi. Predmetnyi mir i sotsial'noe prostranstvo* [Everyday life of the Soviet era. Subject world and social space]. Moscow, Akademicheskii proekt; Triksa Publ., 2017. 704 p.
3. Weil P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [60's: the World of the Soviet man]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 368 p.
4. Gorshkov M., Zhuravlev V., Dobrokhotova L., eds. *Gorbachev – El'tsin. 1500 dnei politicheskogo protivostoyaniya* [Gorbachev – Yeltsin. 1500 days of political confrontation]. Moscow, Terra Publ., 1992. 568 p.
5. Gorshkov M., Petukhov V. *Perestroika glazami rossiyan. 20 let spustya. Proryv k svobode: o perestroike dvadtsat' let spustya (kriticheskii analiz)* [Perestroika through the eyes of Russians. 20 years later. A breakthrough to freedom: on perestroika twenty years later (a critical analysis)]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2005, pp. 374–412.
6. Grushin B. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina v 4-kh kni-*

- gakh. Zhizn' 1-ya. Epokha Khrushcheva* [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 1: The Era Of Khrushchev]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 624 p.
7. Dobrokhотов L., Kolodezny V., Kozhokina A., Lobantsova G., comp. *El'tsin – Khasbulatov: edinstvo, kompromiss, bor'ba* [Yeltsin – Khasbulatov: unity, compromise, fighting]. Moscow, Terra Publ., 1994. 616 p.
 8. *Zavisit ot nas. Perestroika v zerkale pressy* [It depends on us. Perestroika in the mirror of the press]. Moscow, Knizhnaya palata Publ., 1988. 360 p.
 9. Zubkova E. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost', 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 229 p.
 10. Omel'chenko N., ed. *Istoriya Rossii: v 4-kh t. T. 4. Obrazovanie, razvitie i raspad Sovetskogo Soyuz. Rossiiskaya Federatsiya v 1990-e gody* [History of Russia: in 4 t. T. 4. Education, development and the collapse of the Soviet Union. Russian Federation in the 1990-ies]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 620 p.
 11. Shakhrai S., Klishas A., eds. *Istoriya sovremennoi Rossii: Dokumenty i materialy (1985–1999): v 2-kh ch.* [The history of modern Russia: Documents and materials (1985–1999): in 2 parts. Moscow, MGU Publ., 2011. 624 p.
 12. Kovalevskaya Yu. [Restructuring in the ordinary consciousness of the far East: 30 years later]. In: *Rossiya i ATR*, 2014, no. 4, pp. 66–79.
 13. Krichevskii N. *Nasledie protivorechii. Istoki russkogo ekonomicheskogo kharaktera* [A legacy of contradictions. The origins of the Russian economic nature]. Moscow, Dashkov i Ko Publ., 2016. 304 p.
 14. Osipov G. *Sotsial'noe mifotvorchestvo i sotsial'naya praktika* [Social myth-making and social practice]. Moscow, Norma Publ., 2000. 543 p.
 15. Reili D. *Sovetskie beibi-bumery. Poslevoennoe pokolenie rasskazyvaet o sebe i o svoei strane* [Soviet baby-boomers. The postwar generation talks about himself and his country]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 544 p.
 16. Zhuravlev V., ed. *Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XX v.: v 4-kh t. T. 4: 1917–1991 gg.* [Reform in Russia from ancient times to the end of the XX century: in 4 t. T. 4: 1917–1991]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. 671 p.
 17. Sigman K. *Politicheskie kluby i Perestroika v Rossii: Oppozitsiya bez dissidentstva* [Political clubs and Perestroika in Russia: Opposition without dissent]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 472 p.
 18. Churakov D. *SSSR pri Brezhneve. Pravda velikoi epokhi* [The Soviet Union under Brezhnev. Really great era]. Moscow, Veche Publ., 2014. 320 p.
 19. Shelokhaev V. *Dnevnik istorika* [Diary of a historian]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 510 p.
 20. Shubin A. *Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR* [Dissidents, nonconformists and freedom in the Soviet Union]. Moscow, Veche Publ., 2006. 384 p.
 21. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until the end. The last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 664 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: Проект «От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (сер. 1980-х – 1990-е гг.)», № 18-09-00063а.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for fundamental research: Project “From Soviet Man to the Russian: Reforms and the Social Evolution of the Individual (mid-1980s – 1990s)”, no. 18-09-00063a.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy V. Maslov – Dr. Sci. (History), senior lecturer, Professor, Department of Russian Contemporary History, Moscow Region State University; e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслов Д. В. Человек и реформы в современной отечественной истории (к проблеме репрезентативности источников личного происхождения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 73–85.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-73-85

FOR CITATION

Maslov D. People and reforms in modern Russian history: the representativeness of sources of personal origin . In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 73–85.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-73-85